

4. Платон: pro et contra / сост., вступ. ст., примеч. Р. В. Светлова ; сост., примеч. В. Л. Селиверстова. – Санкт-Петербург : Русский христианский гуманитар. ин-т, 2001. – 648 с.
5. Подвойский Л. Я. Платоносфера русской философской культуры : монография / Л. Я. Подвойский. – Астрахань, 2011. – 212 с.
6. Подвойский Л. Я. Платонизма в русской культуре: очерки русской философской мысли : монография / Л. Я. Подвойский. – Астрахань, 2012. – 144 с.
7. Словарь философских терминов / науч. ред. проф. В. Г. Кузнецова. – Москва, 2005. – 731 с.
8. Чернышевский Н. Г. Избранные философские сочинения / Н. Г. Чернышевский. – Москва, 1950. – Т. 1.

References

1. Vasileva T. V. *Put k Platonu* [The Way to Plato]. Moscow, 1999.
2. Karabushchenko P. L., Podvoyskiy L. Ya. Russkiy platonizm i ego vliyanie na genezis otechestvennoy filosofskoy mysli [Russian Platonism and its influence on the genesis of Russian philosophical thought]. *Voprosy elitologii: filosofiya, kultura, politika* [Elitology questions: philosophy, culture, politics]. Astrakhan, 2004, vol. 1, pp. 7–14.
3. Kopnin P. V. *Gnoseologicheskie i logicheskie osnovy nauki* [Epistemological and logical foundations of science]. Moscow, Mysl Publ., 1974, 568 p.
4. *Platon: pro et contra* [Plato: pro et contra]. St. Petersburg, Russian Christian Humanities Institute Publ., 2001, 648 p.
5. Podvoyskiy L. Ya. *Platonosfera russkoy filosofskoy kultury: monografiya* [Platonosphere of Russian philosophical culture: monograph]. Astrakhan, 2011, 212 p.
6. Podvoyskiy L. Ya. *Platonizma v russkoy kulture: ocherki russkoy filosofskoy mysli: monografiya* [Platonism in Russian culture: essays of Russian philosophical thought: monograph]. Astrakhan, 2012, 144 p.
7. *Slovar filosofskikh terminov* [Dictionary of philosophical terms]. Ed. by V.G. Kuznetsov. Moscow, 2005, 731 p.
8. Chernyshevskiy N. G. *Izbrannye filosofskie sochineniya* [Selected philosophical works]. Moscow, 1950, vol. 1.

СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ПАТРИОТИЗМА В АНТИЧНОЙ И ХРИСТИАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЕ

Килин Сергей Владимирович, аспирант

Кубанский государственный университет

Российская Федерация, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

E-mail: molpobeda@mail.ru

Рассматриваются основные этапы эволюции и базовые подходы в определении понятия патриотизма как социального явления в античной и христианской культуре. Проанализировано течение процесса конкретизации данного понятия от его наиболее общих и, следовательно, абстрактных определений (идея некоей гражданской и государственной добродетели в античной философии и культуре) до его интегрального определения как любви к духовному содержанию Церкви Отечества и Государства в истории христианской религиозной мысли. Подобного рода интегральный анализ понятия патриотизма в античной и христианской философии и культуре является во многом ещё нерешённой задачей для современной философской мысли, что, собственно, и определяет непосредственную научную актуальность избранной темы, её проблематическое и предметное содержание. В качестве источниковедческого материала используются наиболее репрезентативные тексты античных и христианских мыслителей, осмысленные с логико-исторической, т.е. диалектической методологии, позволяющей раскрыть целостное смысловое и фактологическое содержание идеи патриотизма в дохристианской и христианской эпохах мировой истории. Результатом проведённого историко-философского исследования выступает интегральная модель понятия патриотизма, позволяющая с философско-методологических позиций определить направления спецификации данного понятия в системе современных социально-гуманитарных наук: политологии, истории, социологии, юриспруденции, культурологии и др. Представленная историко-философская концепция патриотизма может быть актуализирована непосредственно в системе государственной политики в области патриотического воспитания российской молодежи.

Ключевые слова: патриотизм, язычество, христианство, религия, вера, любовь, духовность, ценности, общество, государство

**FORMATION OF THE CONCEPT OF PATRIOTISM
IN ANTIQUE AND CHRISTIAN PHILOSOPHY AND CULTURE**

Kilin Sergey V., postgraduate student
Kuban State University
149 Stavropolskaya Str., Krasnodar, 350040, Russian Federation
E-mail: molpobeda@mail.ru

The article deals with the main stages of evolution and the basic approaches to the definition of patriotism as in ancient and Christian culture. The author analyzes the process concretization of the concept of its most common and therefore abstract definitions (the idea of civic virtue and the state in ancient philosophy and culture) to its definition of the integral as a love for the spiritual content of the Fatherland of Church and State in the history of Christian thought.

1. Such an integrated analysis of the concept of patriotism in the ancient and Christian philosophy and culture is still largely unsolved problem of modern philosophy that, in fact, determines the scientific relevance of the chosen topic, its problematic and subject content.

2. As of source material used most representative texts of ancient and Christian thinkers, with intelligent logical and historical, i.e. dialectical methodology to reveal the integral meaning and factual content of the idea of patriotism in the pre-Christian and Christian eras of world history.

3. The results of conducting historical and philosophical research is the concept of an integrated model of patriotism makes philosophical and methodological positions to determine the direction of the specification of this concept in the system of modern social and human sciences: political science, history, sociology, law, culture, and others.

4. The information presented in the article of historical and philosophical concept of patriotism can be updated directly in the system of state policy in the field of patriotic education of Russian youth.

Keywords: patriotism, paganism, Christianity, religion, faith, love, spirituality, values, society, state

Человеческое сознание, в свете новых знаний и опыта, ориентируется на конкретную уникальную картину мира, соответственно, постоянно переосмысливает социальные явления. К таковым явлениям относится и патриотизм, рассмотрение которого также целесообразно проводить в исторической динамике.

Зарождение феномена патриотизма следует искать в ранней Античности, в условиях, определяющих начало правовых и иных взаимоотношений человека с государством. Существенным признаком данных отношений становится гражданство, в отличие от подданства, при котором связь выстраивается не с государством, а непосредственно с монархом. Таким образом, только с появлением гражданских прав и свобод мы можем говорить о зарождении патриотического сознания.

Патриотизм – явление разумного мышления. Это чувство не могло возникнуть у одержимого инстинктами первобытного человека, не могло оно появиться и в древневосточных деспотиях. Только при наступлении эпохи освобождения от повелевающего авторитета у человека возникают патриотические чувства. Первые философские размышления о теории гражданства, государства мы наблюдаем в греческих городах-государствах, которые принято считать основоположниками многих современных форм государственного правления, да и картины мира в целом.

С давних пор у греков жизненным идеалом являлась «арет» – добродетель, доблесть. Возникла она в период появления первых государств и со временем стала традиционной нравственной нормой человеческого поведения. Гражданин своей страны, прежде всего, должен принести пользу согражданам, своему государству. Генезис этого явления кроется в синтезе сохранения места своего пребывания, физического сохранения рода и метафизического чувства приобщенности к культуре, позволяющей адекватно воспринимать окружающий мир.

Эти вопросы занимали многих философов Древней Греции. Сократ, а затем и Платон рассматривали человеческую жизнь не только для себя, но и для общества, для государственной жизни. Определяя процесс воспитания как совершенствование

человека, можно сказать, что в Древней Греции целью воспитания было создание добродетельного человека, вследствие этого, хорошего гражданина. Платон определил четыре добродетели идеального государства – мудрость, мужество, рассудительность и справедливость.

Одним из основополагающих принципов его сохранения он считал всеобщее соблюдение законов. На личном примере Сократа, осуждённого на смертную казнь, Платон пересказывает диалог Сократа с Критоном. Критон, оценивая несправедливость приговора Сократу, предлагает ему совершить побег, тем самым сохранить свою жизнь и оградить от страданий друзей и родственников. В ответ Сократ в своей речи, одушевляя законы, говорит о том, что если они будут попораны своими гражданами, то будут погублены и сами законы, и государство: «Скажи же, в чём провинились перед тобой и мы, и Государство, за что ты собираешься погубить нас? Прежде всего, не мы ли породили тебя? И разве не благодаря нам взял в жены твою мать твой отец и произвёл тебя на свет?». Обращаясь к законодательству, как к механизму сохранения целостности государства, Сократ призывает к принятию культуры гражданства, по сути, раскрывая смысл общественного договора. Вместе с тем, Сократ не ограничивает благополучие государства лишь соблюдением формального законодательства: «Ведь ты сам был воспитан согласно им! ... А раз ты родился, взращён и воспитан, можешь ли ты отрицать, что ты наше порождение и наш невольник – и ты и твои предки? Если же это так, неужели ты считаешь, что твои права и наши права равны? И что бы мы ни намерены были с тобой сделать, неужели ты считаешь себя вправе этому противодействовать? Если бы у тебя был отец, то с ним ты не был бы равноправен... неужели же Отчеством и Законами всё это тебе позволено?». Таким образом, Сократ, объясняя первичность ценностей государственных над личными говорит о необходимости служить своему государству, по сути, быть патриотом своего государства: «Отечество дороже и матери, и отца, и всех остальных предков, оно более почтенно, более свято и имеет больше значения и у богов, и у людей – у тех, у кого есть ум, – и перед ним надо благоговеть, ему покоряться и, если оно разгневано, угождать ему больше, чем родному отцу. Надо либо его переубедить, либо исполнять то, что оно велит, а если оно к чему приговорит, то нужно терпеть невозмутимо, будут ли то побои или оковы... Учинять же насилие над матерью или над отцом, а тем паче над Отчеством – нечестиво» [1, с. 51].

Далее Сократ дополняет справедливость государственных решений предоставленному каждому гражданину свободного выбора гражданства: «по желанию любому афинянину... предоставляется возможность, если мы ему не нравимся, взять своё имущество и выселиться куда ему угодно... переселиться в другое государство... и сохранить при этом своё имущество» [1, с. 51]. Таким образом, он даёт понять, что если ты выбрал то государство, где проживаешь, то воля государственная для тебя первостепенна. В конечном итоге Сократ отказывается от побега, исполняя несправедливое с точки зрения личностного осмысления государственное решение. В этом он видит их дальнейшее существование и общегражданское исполнение, способствующее будущему благополучию государства и его граждан. Такое чувство долга по отношению к своему государству есть признаки гражданского патриотизма, раскрывающие не столько необходимость формального исполнения государства, сколько глубокое осознание факта этой необходимости.

Аристотель, во многом соглашаясь с Платоном, развивает его взгляд и вводит новые категории, развивающие представления о патриотизме. Прежде всего, Аристотель основывается на том, что человек существо политическое, т.е. живущее в полисе (государстве), соответственно, «первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части. Уничтожь живое существо его в целом, и у него не будет ни ног, ни рук» [2, с. 465–475]. Соответственно, свойственные человеку понятия, такие как добро и зло, справедливость и несправедливость и другие, формируют совокупность и всего

государства. Далее мыслитель пытается найти лучшие способы взаимоотношений человека и государства, которые могут способствовать стать человеку счастливым.

Счастье – категория индивидуальная, поэтому чтобы соотнести его с уровнем государственным, следует изучить этические основы этого чувства. Аристотель говорит, что в душе у человека бывают три вещи:

- страсти (переживания), к которым он относит влечение, гнев, радость, любовь, ненависть и другие – то, что способствует удовольствиям или страданиям,
- способности – то, благодаря чему мы считаемся подвластными этим страстям,
- и нравственные устои, [или склад души] – то, в силу чего мы хорошо или дурно владеем [своими] страстями [3, с. 84].

Для адекватного восприятия понятия любовь, следует напомнить, что в греческом языке было четыре слова для обозначения ее разных оттенков. *Philia* (дружба) и *Eros* (чувственная любовь) в известном смысле противоположны, как противоположны духовный покой и страсть, соединение подобных и противоположных сущностей.

Чувственная любовь есть душевное переживание по внешнему объекту, познание которого происходит благодаря нашим органам чувств. В известной мере – это и малая родина – комплекс многообразных чувств, характеризующих всё, что связано с местом нашего проживания (место рождения, родной дом, очаг, местная природа и т.д.). Отношение к этим чувствам складывается у нас в течение продолжительного времени и, как правило, сопровождается одновременным формированием личности. Расставание с уже привычными образами сознание воспринимает трагично, поэтому формируется устойчивая чувственная связь, называемая любовью к малой родине, в античном периоде – к территории нахождения полиса. В определении этого чувства как страсти, переживания, Аристотель среди первых говорит о его непосредственности, т.е. свойственному (присущему) человеку от рождения.

Здесь же стоит упомянуть рассуждения Аристотеля о золотой середине – «ни убавить, ни прибавить», имея в виду, что избыток и недостаток губельны для совершенства. В том числе и от «блага» бывает вред – «ведь известно, что одних сгубило богатство, других – мужество». Крайние состояния чувства любви к малой родине мы можем наблюдать, с одной стороны, в полном равнодушии к «родным корням», характеризующим ненормальное состояние человека, с другой – в проявлении псевдопатриотизма, в некоторых случаях переходящего в национализм, когда превозносятся национальность, место своего проживания, не замечая и даже отрицая территории проживания других народов, государств. В такие душевные состояния, по Аристотелю, человеку свойственно попадать, если не компенсировать их нравственными устоями – это то, в силу чего мы хорошо или дурно владеем [своими] страстями. К ним можно отнести дружбу – способность человека к так называемой братской любви. Эту добродетель, которая тоже входит в понятие «любовь», Аристотель переводит от индивидуально-психологического аспекта к социальному, рассматривая дружбу в связи с правом и государством. «Принцип взаимного воздаяния является спасительным для государств; этот принцип должен существовать в отношениях между свободными и равными», – пишет Аристотель, возвращаясь к этической природе дружбы [3, с. 3].

Здесь же он обращает внимание, что государственной дружбе свойственно единомыслие, а не одинаковость. «Единомыслие тоже кажется приметой дружеского отношения. Именно поэтому единомыслие не есть сходство мнений, потому что последнее может быть даже у тех, кто друг друга не знает... (ибо «единомыслие» в таких вещах не имеет отношения к дружбе), а говорят о единомыслии в государствах, когда граждане согласны между собою относительно того, что им нужно, и отдают предпочтение одним и тем же вещам и делают то, что приняли сообща» [4, с. 253]. Таким образом, Аристотель говорит о смысле государства – достижении общих целей сообща. Возможно это при создании «граждан определённого качества, т.е. доб-

родетельных и совершающих прекрасные поступки», по сути, умеющих жить в дружбе и согласии. При этом Аристотель часто обращается к принципу патриотизма – первичности общего над индивидуальным: «Даже если для одного человека благом является то же самое, что для государства, более важным и более полным представляется все-таки благо государства, достижение его и сохранение» [4, с. 55].

Также Аристотель рассматривает способы воспитания граждан определённого качества – добродетельных и совершающих прекрасные поступки. Именно благодаря им государство сможет стать и быть счастливым. Решение он видит в воспитании, которое должно быть ориентировано на соответствующий государственный строй: «и если это не безразлично для государства, стремящегося к достойному устройению, то надо иметь также достойных детей и достойных женщин». Под достойными он понимает людей с «нравственной привычкой», которую для нас приобрести естественно и в которой мы совершенствуемся. «Именно так, совершая правые [поступки], мы делаемся правосудными, [поступая] благоразумно – благоразумными, [действуя] мужественно – мужественными. Доказывается это и тем, что происходит в государстве, ведь законодатели, приучая [к законам] граждан, делают их добродетельными, ибо таково желание всякого законодателя; а кто не преуспевает [в приучении] – не достигает цели, и в этом отличие одного государственного устройства от другого, а именно добродетельного от дурного» [4, с. 79]. Таким образом, «[повторение] одинаковых поступков порождает [соответствующие нравственные] устои» [4, с. 79].

Самого термина «патриотическое воспитание» Античная Греция не знала, но по сути это и был тот нравственный воспитательный процесс, который раскрывался мыслителями того времени. Аристотель, как и Платон, в практическом поле определяли важность системы законодательства. По-разному, но они оба обращали внимание на предельно устойчивую (стабильную) законодательную базу, как основу эффективного формирования нравственных устоев общества: «Если исправление закона является незначительным улучшением, а приобретаемая таким путем привычка с легким сердцем изменять закон дурна, то ясно, что лучше простить те или иные погрешности как законодателей, так и должностных лиц: не столько будет пользы от изменения закона, сколько вреда, если появится привычка – не повиноваться существующему порядку» [5, с. 427].

В то же время Аристотель особое внимание уделяет тем, кто непосредственно создаёт законы, государственным мужам, занимающимся управлением государства: «надо постараться научиться создавать законы, коль скоро благодаря законам мы можем стать добродетельными. Конечно, не всякий способен правильно наставить кого бы то ни было, кого ему предложено воспитывать, а если кто и способен, то это знаток, так же как во врачебной науке и в прочих делах, в которых потребны своего рода внимание к другим и рассудительность» [5, с. 291]. В том числе поэтому многие мыслители античного периода относились к абсолютной демократической форме устройства государства настороженно – в её условиях государственным мужем мог стать человек, не обладающий специфическими для этой должности качествами: «Настоящий государственный муж (*politikos*) тоже, кажется, больше всего старается о добродетели, ибо он хочет делать граждан добродетельными и законопослушными. Между тем человеческой добродетелью мы называем добродетель не тела, но души, и счастьем мы называем деятельность души. Если это так, ясно, что государственному человеку нужно в известном смысле знать то, что относится к душе, точно так, как, вознамерившись лечить глаза, нужно знать все тело» [4, с. 94].

Аристотель ясно высказывается о цели этики – не просто знать, что такое добродетель, а стать добродетельным. В сфере нравственной нечего рассуждать, надо совершать нравственные поступки. Счастье – качество индивидуальное. Но именно счастливые люди наиболее подходят к жизни в обществе. Ибо они, почитая ум, подчиняются уму и правильному порядку. Они проводят жизнь в добрых делах и не совершают дурных поступков. Как воспитывать таких людей – вот вопрос. Аристотель

считает, что дело это государственное. В том смысле, что воспитание осуществляется благодаря добропорядочным законам.

Таким образом, явление патриотизма в античной культуре представляется основанным на непосредственном чувстве привязанности к месту своего проживания и нарождающемся чувстве гражданского единомыслия, рационально определяющего первичность государства над частными интересами. Кроме этого, античные мыслители одними из первых начали исследовать патриотизм в прямой связи с благополучием государства. Достижение этого благополучия они видели в воспитании патриотических чувств, прежде всего нравственно и разумно ориентированных.

Вместе с тем, исторические события позднеантичного периода внесли существенные коррективы в ранее принципиальные основы греческого патриотизма. Так, разрушение полисной государственности, прослеживающееся с началом Пелопоннесской войны (V в. до н.э.), заставило многих греков, чувствуя себя гражданами только своего города-государства, сначала оказаться в Македонской, а потом Римской империи и столкнуться уже не с местным, а универсальным стилем жизни и её управлением. В этих условиях человек стал ощущать себя гражданином мира, а не отдельного небольшого государства. «Откуда ты прибыл?» – «Отовсюду. Ты видишь перед собой гражданина мира», – этот ответ, произнесённый древнегреческим философом Диогеном Синопским, принято считать началом космополитизма – нового отношения к государственности, так называемой идеологии мирового гражданства. В словах Диогена прослеживается расширение патриотических чувств от приобщённости к местным группам и интересам к универсальным позициям и стремлениям. Далее дело продолжили стоики, заявившие, что каждый человек живёт в двух сообществах: в местном, где он родился, и сообществе общечеловеческих суждений и стремлений. Таким образом, происходит обобщение объекта патриотических чувств от локального уровня восприятия материального мира к вселенскому, но не духовному, а пока ещё земному.

Античный период в исследовании патриотизма примечателен окончательно сформировавшейся религией язычества. Многобожие, исключительно чувственная картина мира, натурфилософия оказывали непосредственное влияние на сознание человека. Соответственно формировалось отношение и к социальным явлениям. В то же время древнегреческие философы стали предтечей нового исторического периода человечества. Их труды, уже наполненные духовным содержанием, идеальным восприятием многих явлений, способствовали прогрессивному развитию сознания. На горизонте человеческого разума засветилась звезда христианства.

Вместе с новыми смыслами изменился и предмет патриотических чувств – от непосредственной чувственной тяги к миру материальному в сторону любви к миру духовному. Произошёл этот переход не в одночасье; веками продолжался генезис идеи христианства в мышлении человечества, продолжается и поныне. Переходным этапом этого становления можно считать иудаизм – религию богоизбранного народа, сочетающую в себе языческое стремление к земной жизни и христианское – к небесной.

Историей еврейского народа можно считать Ветхий Завет, собравший и сохранивший имена и даты, события и факты. Истинный патриот в иудаизме не просто духовен, он всегда соединён с праотцами и их духовным наследием. Это наследие воплотилось не только в вере предков, но и в соединённом с этой верой слове «отец». Отсюда и «Отечество» – единство народа Божия, помимо принадлежности к одной религии, племенной и языковой общности, говорящее об укоренённости к определённой земле – Отечеству. В этот период большое значение придавалось национальной принадлежности, в том числе сохранению чистоты крови: браки с другими народами не одобрялись, так как при таких браках «семя святое» смешивалось с народами иноплеменными. Кроме этого, патриотизм этого времени также имел связь с территориальной принадлежностью – землей израильской и её столи-

цей – Иерусалимом, который приобрёл значение главного духовного и политического центра богоизбранного народа.

Вместе с тем, иудеи уже не видели Бога только в природе, для Израиля было срамом говорить дереву «ты мой отец» и камню «ты родил меня» (Иерем. II, 27). Но в согласии с их понятиями религия иудаизма тоже земнородна. Это лишает её высоты столь характеризующей христианство. Ветхозаветное благо – это долголетие, обильное потомство и материальное благосостояние. Соответственным образом развивались и патриотические чувства – Ветхий Завет пропитан стремлением к национальному превосходству, прежде всего богоизбранного народа, в нём почитается гордость за место своего проживания, особая роль уделяется семейному благополучию. Словами Е.В. Спекторского, русского правоведа и социального философа, автора трудов по осмыслению исторической роли христианства «евреи занимают средину между христианами и язычниками: язычники не знают Бога и любят только землю, евреи знают Истинного Бога и любят только землю, христиане знают Истинного Бога и совсем не любят земли» [6, с. 97]. Сообразно устремлены и патриотические чувства ветхозаветной жизни: не внутреннее духовное переживание, не поиск царства небесного волнует иудея – внешний ритуал и земные блага – вот источник этих чувств.

Ветхий Завет можно рассматривать как «тень» Нового Завета, явившего следующий этап духовного развития человечества. «Не сообразуйтесь с веком сим, но напротив, преобразуйтесь» [7, с. 24], – этими словами апостол Павел говорит не о приспособлении к среде, а наоборот, о её преодолении. Это задача, стоящая перед духовным, а посему свободным человеком. Тот должен искать не то отечество, из которого вышли, но лучшее, т.е. небесное: «Ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» [8, с. 15].

Патриотизм христианина – это, прежде всего, патриотизм веры, духа. «Нечто, взятое по себе, в отрыве от духа, – писал русский философ Иван Ильин, – ни территория, ни климат, ни географическая обстановка, и пространственное рядом – жительство людей, ни расовое происхождение, ни привычный быт, ни хозяйственный уклад, ни язык, ни формальное подданство – ничто не составляет родину: ибо Родина есть нечто от духа и для духа». «В основе патриотизма, – писал Иван Ильин, – лежит акт духовного самоопределения. Патриотизм может жить и будет жить лишь в той душе, для которой есть на земле нечто священное, которая живым опытом испытала объективность и безусловное достоинство этого священного – и узнала его в святых своего народа» [9, с. 225].

Святой Иоанн Кронштадский так высказался об основах патриотизма: «Отечество земное с его Церковью – есть преддверие Отечества Небесного, поэтому любите его горячо и будьте готовы душу свою за него положить, чтобы наследовать жизнь вечную» [10]. В этих словах прослеживается христианское стремление ввысь, к духовным началам мироздания и, одновременно, опора на земные условия бытия человека – глубокое уважение к своему роду, отечеству. Продолжая мысль, Иоанн Кронштадский так писал о любви к земному отечеству: «Люби отечество земное... оно тебя воспитало, отличило, почтило всем довольствует; но особенно люби отечество небесное... то отечество несравненно дороже этого, потому что оно свято и праведно, нетленно... Но чтобы быть членами того отечества, уважай и люби (его) законы, как ты обязан уважать и уважаешь законы земного отечества» [10].

В христианской метафизике человек занимает среднее положение между природой и Богом – это дитя природы, имеющее право обращаться к Богу. Христианство не видит в природе конечной цели религии, как язычество. Христианство живет духовным, горним миром, природу же оно преодолевает, подчиняет (не случайно именно у христианских народов вместе с теоретическим естествознанием произошло практическое применение – технический прогресс). Сообразно складываются и патриотические чувства. В качестве объекта сознание стремится охватить всеобщее бытие, наиболее общее, первичное, к нему и обращаются патриотические чувства. Хри-

стианское понимание всеобщего выходит за рамки сознания язычества и удаляется от тяжести земного, присутствующего в иудаизме.

Мировоззрение христианства – метафизический (трансцендентный) идеализм, который, в свою очередь, определён этическими нормами. Именно поэтому в христианском патриотизме ведущее место занимают ценности добра и зла. Любовь, нравственность и внутреннее духовное самоопределение – составляющие патриотизма христианского периода. Именно эти составляющие являются приматом всех наших жизненных решений.

Однако как бы высоко бы не были направлены идеальные патриотические чувства христианства, земная жизнь людей протекает в государстве, вне которого, по словам Аристотеля, могут жить либо боги, либо звери. Так как человек не относится ни к тому, ни к другому, то государственное начало в его жизни существенно и необходимо.

Христианство не приемлет ни построения общества исключительно на идеальной свободе, уничтожающей всякую иерархию и приводящей к социальной анархии, соответственно, анархизму, ни на основе царства Божия на земле, ведущему к теократическому государственному устройству.

В первом случае христианство воздаёт кесарево кесарю, в практическом плане рекомендуя государственным мужам обладать служебной честностью. В Новом Завете говорится с уважением о государстве: «ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» [11]. Отличием же от языческого отношения к государству является повиновение не за страх, а за совесть.

Во втором случае – словами Иисуса: «Царство моё не от мира сего» [12]. «Это был принципиальный отказ от теократии, от земного царства Божия. Царь Иудейский отказывался царствовать над иудеями и вообще над кем бы то ни было на земле» [13]. К сожалению, мысль о христианской теократии всё же овладела сознанием некоторых народов и их вождей. В государственную жизнь проник клерикализм, хотя в самом Евангелии об участии в кесаревом деле монахов, пап, патриархов ничего не сказано. Клерикализм вызвал антиклерикализм, который, в свою очередь, не изменил само отношение к государственному устройству, а перешёл в антихристианство. Таким образом, теократия не просто не удалась, но привела к дехристианизации государств.

Таким образом, патриотизм христианского этапа раскрывается в стремлении к социальному государству, в основе которого обращение от материализма к идеализму, следование нормам нравственного порядка, уважение власти как инструмента земного мироустройства. Патриотизм христианский берёт пример с людей талантливых, честных, творческих, увлечённых познанием мира и совершенствованием общества.

Список литературы

1. Платон. Избранные диалоги / пер. М. С. Соловьева. – Москва, 1965. – 506 с.
2. Аристотель. Политика. Антология мировой философии. – Москва, 1969. – Т. 1. – 576 с.
3. Аристотель. Этика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. – Москва : Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с.
4. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. – Москва : Мысль, 1983. – Т. 2. – 687 с.
5. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. – Москва : Мысль, 1983. – Т. 2. – 613 с.
6. Блез Паскаль. Мысли о религии / Блез Паскаль. – Москва : Тип. В. П. Карпова, 1892. – 256 с.
7. Толкование на Послания к Римлянам святого апостола Павла. Ч. 1.
8. Послание апостола Павла к евреям.
9. Ильин Иван. Путь к очевидности / Иван Ильин. – Москва : АСТ, 2007. – Ч. 2. – 457 с.
10. Св. Прав. Кронштадтский Иоанн. – 1, ч. 2, слово 2-е.
11. Толкование на Послание к Римлянам святого апостола Павла. – Гл. 13.
12. Новый Завет. Евангелие от Иоанна. – Гл. 18.
13. Спекторский Е. В. Государство. – Петроград, 1918. – 568 с.

References

1. *Platon. Izbrannye dialogi* [Plato. Chosen dialogues]. Moscow, 1965, 506 p.
2. *Aristotel. Politika. Antologiya mirovoy filosofii* [Aristotel. Policy. Anthology of world philosophy]. Moscow, 1969, vol. 1, 576 p.
3. *Aristotel. Etika* [Aristotel. Ethics]. Moscow, Mysl Publ., 1983, vol. 4, 830 p.
4. *Aristotel. Nikomakhova etika* [Aristotel. Nikomakhova ethics]. Moscow, Mysl Publ., 1983, vol. 2, 687 p.
5. *Aristotel. Politika: Sochineniya: in 4 vol.* [Aristotel. Policy: Compositions: in 4 vol.]. Moscow, Mysl Publ., 1983, vol. 2, 613 p.
6. Blez Paskal. *Mysli o religii* [Thoughts of religion]. Moscow, Tipografija V. P. Karpova Publ., 1892, 256 p.
7. *Interpretation on Messages to Romans of the Saint apostle Pavel. Part 1.*
8. *The message of the apostle Pavel to Jews.*
9. Ilin Ivan. *Put k ochevidnosti* [Way to evidence]. Moscow, AST Publ., 2007, part 2, 457 p.
10. *Sv. Prav. Kronshtadtskiy Ioann* [St. Prav. Kronstadt Ioann], 1, part 2, word 2.
11. *Interpretation on the Message to Romans of the Saint apostle Pavel, chapter 13.*
12. The New Testament, the Gospel from Ioann, *chapter 18.*
13. Spektorskiy E. V. *Gosudarstvo* [State]. Petrograd, 1918, 568 p.